

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/qduhsq>

Сидящие «по-восточному» фигуры в наскальном искусстве Минусинской котловины (атрибуция, аналогии)

Советова Ольга Сергеевна

Кемеровский государственный университет, Россия, Кемерово

eLibrary Author SPIN: 2115-4784

<https://orcid.org/0000-0002-0733-8245>

Scopus Author ID: 23486783400

olgasovetova@yandex.ru

Зинченко Софья Анатольевна

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики», Россия, Москва

Институт Востоковедения РАН, Россия, Москва

eLibrary Author SPIN: 2919-6323

<https://orcid.org/0000-0002-6670-679X>

Scopus Author ID: 56568332900

Ермоленко Любовь Николаевна

Кемеровский государственный университет, Россия, Кемерово

eLibrary Author SPIN: 5900-1448

<https://orcid.org/0000-0002-5483-3361>

Scopus Author ID: 23484778000

Аннотация: Продолжающееся исследование наскальных рисунков Минусинской котловины, несмотря на длительную историю их изучения, приносит новые открытия. Из числа образов, запечатленных на петроглифах тесинского времени, специального внимания до сих пор не удостоивался образ сидящего «по-восточному» персонажа. Обычно единичные, редко представленные не в единственном числе, изображения этого персонажа выявлены на некоторых памятниках Минусинской котловины – писаницах и курганных камнях (Оглахты, Каменка, Тогр-Таг, Абакано-Перевоз, Тепсей). Анализ позиций ног персонажей петроглифов позволил констатировать вариативность позы сидения. Руки сидящих персонажей характеризуются симметричной позицией; за единственным исключением, они лишены каких-либо атрибутов. В одном случае (курганный камень, Тепсей) в руке сидящей фигуры показана змея. Детальный анализ изображений Змеедержца в памятниках Древнего Востока показал отсутствие сложившейся иконографической схемы этого образа. Характерно, что иногда Змеедержец показан сидящим – в положении сидя на коленях. В изобразительных памятниках раннего железного века определенную аналогию тепсейскому персонажу со змеей составляет рогатое божество, воспроизведенное в декоре котла из Гундеструпа. Наиболее ранние изображения антропоморфного существа в позе сидения на «полу» (на «земле») с особым образом сложенными ногами происходят из памятников неолита (Крит) и бронзы (Хараппская цивилизация). На основании анализа визуальных источников – археологических и этнографических – высказано предположение о том, что поза сидения «по-восточному» поливариантна. Сравнение разных вариантов позы сидящих «по-восточному» персонажей петроглифов Минусинской котловины с аналогичными позициями человеческих фигур в искусстве раннего железного века и раннего Средневековья позволило выявить очевидные соответствия. Приведенные в статье аналогии, по мнению авторов, свидетельствуют о широком бытовании в культурах разных народов различных вариантов позы сидения на «полу» с согнутыми ногами. Существование идентичных вариантов в разные эпохи на разных территориях не обязательно является результатом заимствования: в сходных условиях существования человека, так же как в религиозных практиках, могли независимо формироваться похожие «техники тела».

Ключевые слова: петроглифы, сидящие «по-восточному» фигуры, ранний железный век, тесинская культура, образ Змеедержца, Минусинская котловина, Евразия

Цитирование: Советова О. С., Ермоленко Л. Н., Зинченко С. А. Сидящие «по-восточному» фигуры в наскальном искусстве Минусинской котловины (атрибуция, аналогии). *СибСкрипт*. 2024. Т. 26. № 6. С. 904–918. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2024-26-6-904-918>

Поступила в редакцию 27.05.2024. Принята после рецензирования 10.07.2024. Принята в печать 15.07.2024.

full article

Cross-Legged Sitter in Minusinsk Rock Art: Attribution and Analogies

Olga S. Sovetova

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

eLibrary Author SPIN: 2115-4784

<https://orcid.org/0000-0002-0733-8245>

Scopus Author ID: 23486783400

olgasovetova@yandex.ru

Lyubov N. Ermolenko

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

eLibrary Author SPIN: 5900-1448

<https://orcid.org/0000-0002-5483-3361>

Scopus Author ID: 23484778000

Sophia A. Zintchenko

HSE University, Russia, Moscow

Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences,

Russia, Moscow

eLibrary Author SPIN: 2919-6323

<https://orcid.org/0000-0002-6670-679X>

Scopus Author ID: 56568332900

Abstract: The rock art of the Minusinsk Basin has a long academic history; however, it still brings about new fascinating discoveries. Some petroglyphs of the Tesin period show people sitting cross-legged on the floor in the so-called Oriental fashion. These images have not yet received special scientific attention. Such images are most often single; they are to be found on such petroglyph sites and mound stones of the Minusinsk Basin as Oglakhty, Kamenka, Togr-Tag, Abakan-Perevoz, Tepsei, etc. The present analysis of their legs made it possible to describe the variability of the sitting posture. Their arms are symmetrically arranged, the hands being devoid of any attributes but for one exception: the cross-legged sitter on a mound stone in Tepsei is holding a snake. Ancient Oriental art has no iconographic patterns for the Snake-Holder. In some cases, the Snake-Holder is depicted kneeling. The Early Iron Age art renders a certain analogy to the Snake-Holder from Tepsei, i.e., the horned deity from the Gundestrup cauldron. The earliest images of an anthropomorphic creature sitting cross-legged on the floor belong to the Neolithic Age (Crete) and Bronze Age (Harappan civilization). The archaeological and ethnographic analysis revealed the polyvariant character of the cross-legged sitter. The images from the Minusinsk petroglyphs demonstrate obvious similarities with the art of the Early Iron Age and the early Middle Ages. Multiple variants of the cross-legged sitter appeared in ancient art of different peoples across the world. However, the similarity hardly indicates borrowing: the universal conditions of human routine and religious practices rendered similar body postures captured in art.

Keywords: petroglyphs, figures sitting cross-legged in oriental fashion, Early Iron Age, Tesin culture, Snake-Holder, Minusinsk Basin, Eurasia

Citation: Sovetova O. S., Ermolenko L. N., Zintchenko S. A. Cross-Legged Sitter in Minusinsk Rock Art: Attribution and Analogies. *SibScript*, 2024, 26(6): 904–918. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2024-26-6-904-918>

Received 27 May 2024. Accepted after peer review 10 Jul 2024. Accepted for publication 15 Jul 2024.

Введение

В наскальном искусстве Минусинской котловины как на скальных плоскостях, так и особенно на гранях курганных камней встречаются необычные персонажи, сидящие на «земле» с согнутыми ногами, выбитые или гравированные. Несмотря на свою неординарность, они до сих пор оставались практически без исследовательского внимания. Исключения составляют редкие публикации одиночных фигур и еще реже – многофигурных композиций, а комментарии

или интерпретации этого образа в наскальном искусстве вообще единичны. Невозможно представить не только их приблизительное количество, но и иконографическое разнообразие. Нередко исследователи ограничиваются описаниями обнаруженных ими фигур без сопроводительного иллюстративного материала. Например, коллектив красноярских исследователей так описывает одно из изображений, найденных на писанице Змеиной (юг Красноярского края):

«гравировкой нанесена профильная антропоморфная фигура. У человека показана голова с выступающим носом, прямая спина, большой округлый живот с косыми линиями в нижней части (жировые складки?), короткие, согнутые в коленях ноги. Шея и ступни слабо выделены, верхние конечности отсутствуют» [Заика и др. 2016: 104]. При этом нет и указания на хотя бы приблизительную датировку.

Поводом для настоящей статьи стала композиция, обнаруженная при исследовании рисунков на камнях могильника под горой Тепсей (Краснотуранский район Красноярского края), один из персонажей которой запечатлен в позе сидя «по-восточному». Попытка атрибуции и интерпретации данного изображения потребовала обобщения сведений о других сидящих «по-восточному» персонажах наскального искусства Минусинской котловины, привлечения в качестве аналогий археологических изобразительных материалов (образцов торевтики, пластики и др.), а также этнографических данных из других регионов.

Методы и материалы

Основными исследуемыми в статье материалами являются наскальные изображения Минусинской котловины, в частности те композиции на скальных плоскостях и поверхностях курганных камней (Оглахты, Каменка, Тогр-Таг, Абакано-Перевоз, Тепсей), в которых представлены сидящие «по-восточному» персонажи. При изучении феномена сидящих фигур на петроглифах использованы археологические методы: описание, типология, метод культурно-хронологической атрибуции, позволившие систематизировать материал, сделать предположение о его хронологической позиции и культурной принадлежности. При сопоставлении с выявленными изобразительными соответствиями по признакам атрибута (змея) и позы применены общенаучный метод аналогий, специально-исторические методы – синхронный и диахронный. Эти методы позволили выявить специфические и общие характеристики материала.

Результаты

Сидящие «по-восточному» фигуры на петроглифах

Сцена с сидящим персонажем, выявленная на одном из камней могильника под горой Тепсей, выполнена в характерном для тесинского времени стиле «путаниц», поэтому трудно разобрать конкретные фигуры как из-за самой изобразительной манеры,

так и из-за характерных «подновлений», точнее, «забивки» фигур, произведенной в более позднее время, но в данном случае несколько фигур достаточно хорошо видны и, судя по всему, составляют композицию (рис. 1, 1). Многократные съемки рисунков, изготовление эстампажей и, наконец, созданная специалистами 3D-модель¹ позволили по-новому увидеть и оценить изображения на этом камне.

Один из персонажей сцены показан со змеей в руке. Прежде всего следует сказать о позе этого персонажа, которую исследователи называют по-разному: позой Будды, позой лотоса, сидение «по-восточному», «по-азиатски» и т. д. М. П. Грязнов, характеризуя позы персонажей в сцене у дерева на золотой бляхе из коллекции Петра I, писал: «Один мужчина сидит, как и женщина, по-азиатски – "ноги калачиком"» [Грязнов 1961: 23]. Варианты рассматриваемой позы сидящих персонажей наскальных сцен различны: голени согнутых ног расположены горизонтально, почти параллельно друг другу, впереди (в двухмерном изображении – ниже) может находиться голень правой или левой ноги (Абакано-Перевоз) [Русакова 2022], стопы иногда не выделены, в других случаях тщательно проработаны (Оглахты, Волчий лог) [Есин 2017: 24]. Встречается вариант позы с округлой конфигурацией ног, ступни которых развернуты носками в разные стороны – Ω-образные очертания ног (Каменка) [Миклашевич 2018: ил. 3, 2]. Возможно, фигуры в такой же позе изображены на камне из района Нижней Базы [Ким Чжонг Бэ и др. 2007: 169]. На писанице Копенская Нижняя зафиксирован персонаж, под торсом которого замкнутой линией изображена В-образная (развернутая на 90° против часовой стрелки) деталь (рис. 1, 13) [Миклашевич 2018: рис. 6]. Эту антропоморфную фигуру чаще всего называют «женской», проводят параллели с фигурами Абакано-Перевоза [Там же: 15], хотя особых оснований для этого нет, с таким же успехом ее можно характеризовать как сидящую в позе «по-восточному». Разновидность рассматриваемой позы отмечена у персонажа с поднятыми руками с Боярского хребта (рис. 1, 3) [Русакова 2016: рис. 5, 7]. Встречается вариант, когда ноги согнуты «калачиком», а ступни расположены несимметрично (Тепсей, Оглахты, Тогр-Таг) (рис. 1, 5) и др.

Пожалуй, пока самое большое количество разнообразных фигур, запечатленных сидящими в позе «по-восточному», представлено на одном из курганных

¹ Благодарим Ю. М. Свойского и Е. В. Романенко за проведенную работу.

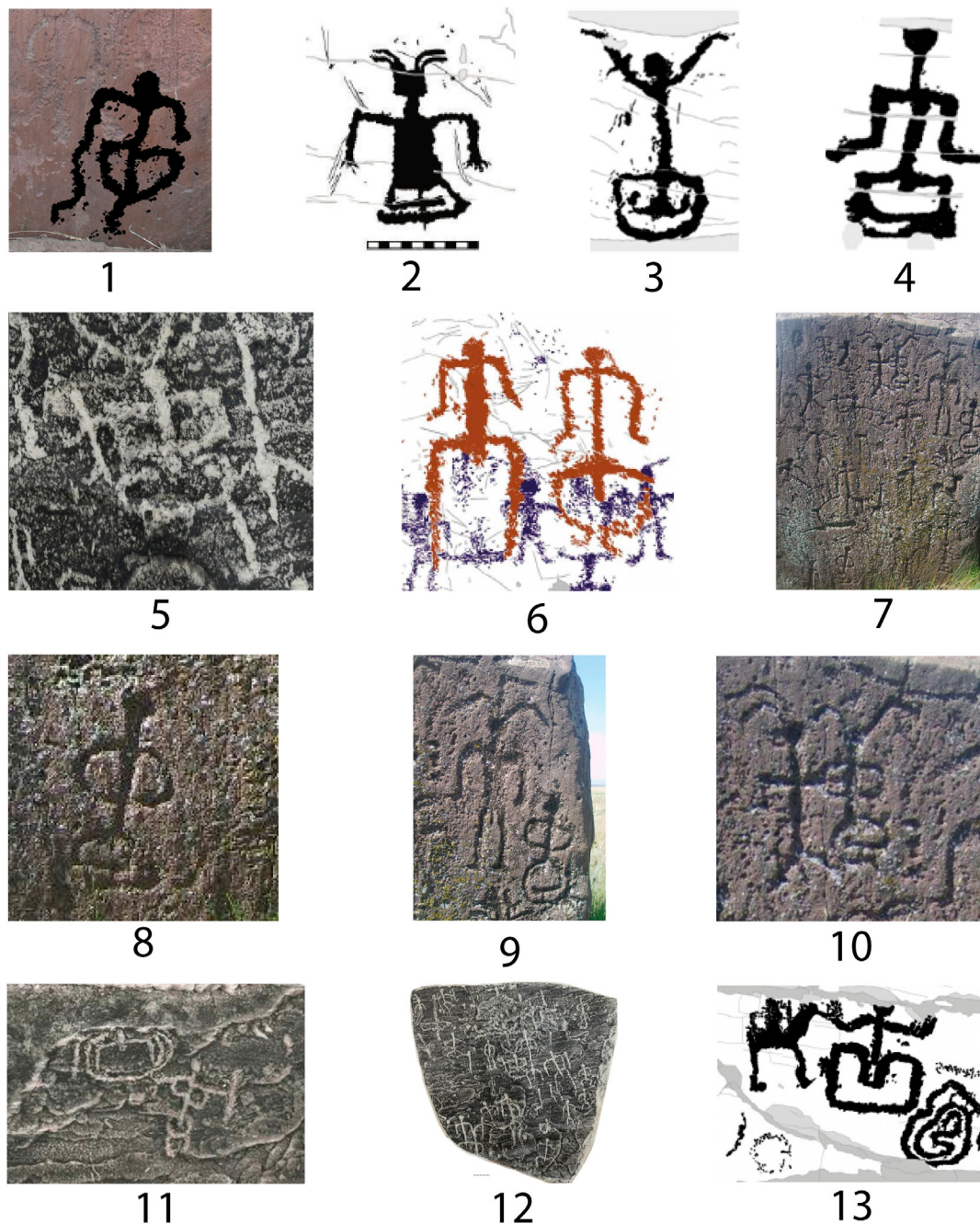

Рис. 1. Персонажи, сидящие в позе «по-восточному», в наскальном искусстве Минусинской котловины: 1 – курганный камень, Тепсей (фото О. С. Советовой); 2 – Бояры I А [Русакова 2016: рис. 5, 9]; 3 – Абакано-Перевоз I [Русакова 2016: рис. 5, 7]; 4 – Абакано-Перевоз III [Там же: рис. 5, 8]; 5, 11, 12 – Тогр-Тар (МЗТП². Ф. 10835); 6 – Каменка [Миклашевич 2018: ил. 3, 2]; 7 – курганный камень, Оглахты [Есин 2017: 25]; 8–10 (фрагменты) – курганный камень, Оглахты [Там же: 25]; 13 – писаница Копенская Нижняя [Миклашевич 2018: рис. 6]

Fig. 1. Cross-legged sitters from the Minusinsk Basin: 1 – a mound stone, Tepsei (photo by O. S. Sovetova); 2 – Boyary I A [Rusakova 2016: Fig. 5, 9]; 3 – Abakano-Perevoz I [Rusakova 2016: Fig. 5, 7]; 4 – Abakano-Perevoz III [Ibid.: Fig. 5, 8]; 5, 11, 12 – Togr-Tag (Museum-Reserve of Tomskaya Pisanitsa, item 10835); 6 – Kamenka [Miklashevich 2018: Fig. 3, 2]; 7 – a mound stone, Oglakhty [Esin 2017: 25]; 8–10 – a mound stone, Oglakhty (fragments) [Ibid.: 2017: 25]; 13 – Kopenskaya Nizhnaya rock art site [Miklashevich 2018: Fig. 6]

² Музей-заповедник «Томская писаница».

каменной под горой Оглахты (рис. 1, 7). Здесь по меньшей мере пять таких фигур (сохранность камня не позволяет делать более корректные подсчеты) (рис. 1, 8–10). На этом камне неординарны практически все персонажи, поскольку почти у всех головы увенчаны либо «рогами», либо украшениями на головных уборах. Отметим, что у одного из персонажей с Абакано-Перевоза на голове показаны «перья» или «ленты», характерные для многих антропоморфных персонажей тесинского времени (рис. 1, 2) [Русакова 2022: рис. 23]. И. Д. Русакова так описывает позу этого персонажа: «Руки подняты перпендикулярно туловищу, согнуты в локтях и опущены кистями вниз. Показаны пальцы. Хорошо прослеживается положение ног: они подогнуты под туловище, но не перекрещиваются друг с другом, одна нога лежит поверх другой» [Русакова 2022: 61].

В позе сидения «по-восточному» запечатлены некоторые персонажи, нанесенные на плиты каменной ограды могильника Тогр-Таг (петроглифы документированы Е. А. Миклашевич) (рис. 1, 5, 11, 12).

К сожалению, устойчивых сюжетов с персонажами, сидящими «по-восточному», в наскальном искусстве Минусинской котловины пока выявлено немного. Изредка на плоскости обнаруживаются единичные фигуры, но встречаются и многофигурные композиции, которые можно так или иначе интерпретировать. Одну композицию зафиксировала Е. А. Миклашевич на курганном камне из урочища Каменка в 2012 г. На ровной вертикальной поверхности плиты в тесинское время, как полагает автор публикации, в несколько подходов были нанесены антропоморфные фигуры. Здесь просматриваются три слоя изображений. Верхний представлен тремя крупными фигурами вытянутых пропорций. Из этих персонажей двое «сидят», третий «стоит». В левом верхнем углу плиты аналогичной выбивкой нанесена еще одна фигура головой вниз (умерший?) (рис. 1, 6). Скорее всего, по мнению исследовательницы, эта фигура связана с перечисленными тремя, т. к. подобный сюжет с участием всех этих персонажей (тризна?) встречается довольно часто в наскальном искусстве региона, особенно на курганных плитах [Миклашевич 2018: 20–21].

Другой вариант сюжета с персонажем, сидящим «по-восточному», зафиксирован на курганном камне из могильника под горой Тепсей (рис. 1, 1). Выше об этом камне говорилось, что среди характерных для тесинского времени «путаниц», выделенных

Д. Г. Савиновым в качестве определенного хронологического репера в наскальном искусстве этого времени [Савинов 1995], относительно четко выделяются три антропоморфных персонажа, один из которых, несколько преувеличенных пропорций, расположен в центральной части плоскости с каким-то предметом в одной руке (палица?) и поставленной на талию другой. Сидящая фигура с извивающейся змеей в руке расположена в правом нижнем углу плоскости. В левом верхнем углу изображен перевернутый антропоморфный персонаж, его голова «читается» плохо. Возможно, здесь есть и другие антропоморфные фигуры, которые сложно дифференцировать.

Хотя сюжетов с персонажами, сидящими в позе «по-восточному», в наскальном искусстве Минусинской котловины пока выявлено немного, существенно, что рассматриваемый сюжет на камне Тепсейского могильника усложнен тем, что сидящий персонаж держит в руке змею.

Образ Змеедержца

Сюжет с антропоморфными персонажами, держащими змею / змей, по мнению Н. Маринатос, является одним из самых древних: «ближневосточная схема <...>, которая включает в себя удушение или обращение со змеями, имеет особое значение»³ [Marinatos 2000: 117]. Первые примеры отображения этого сюжета можно обнаружить еще на штамповых печатях V тыс. до н. э. из Тепе-Гиян (Западный Иран) (рис. 2) [Barnett 1966: pl. XXII, 7, pl. XXIII, 1, 3, 6; 261, fig. 1, 5, 7, 10, 20]. Представленная здесь схема в дальнейшем будет связана и с другими территориями: с Восточной Анатолией (находки из Дегирментепе; слои второй половины V – IV тыс. до н. э.) [Pittman 2001: fig. 11.3, b], с Хузестаном (например, оттиск печати из Чога Миш второй половины – конца IV тыс. до н. э.) [Ibid.: fig. 11.15, b]; с оттисками штамповых печатей из Суз [Pittman 2001: fig. 11.4, a; Winckelmann 2000: 47, fig. 5], а также станет часто использоваться в последующие эпохи. Так, С. Винкельманн указывала, что «очень древняя композиция – герой или смешанное существо с двумя змеями (в дальнейшем называемая Змеедержцем), становится популярным мотивом в искусстве "межкультурного стиля" в последующий раннединастический период (Шумера)» [Winckelmann 2000: 48].

Процесс выявления возможного протографа для рассматриваемого сюжета требует решения следующих вопросов: связан ли данный персонаж

³ Здесь и далее по тексту перевод выполнен авторами статьи.

Рис. 2. Изображения Змеедержца (*Snake-Holder*) на штамповых печатях V тыс. до н.э.: 1, 2 – Тепе-Гиан [Barnett 1966: Pl. XXII, 7, Pl. XXIII, 3]; 3 – Сузы [Ibid.: fig. 11.4, a]
Fig. 2. Images of Snake-Holder on stamp seals, 5000 BCE: 1, 2 – Tepe-Giyan [Barnett 1966: Pl. XXII, 7, Pl. XXIII, 3]; 3 – Susa [Ibid.: Fig. 11.4, a]

с дословным воспроизведением устоявшейся иконографии или же является результатом серьезной переработки исходного варианта, а возможно, и наложения отдельных модулей, взятых из разных источников. Наиболее часто встречаемый вариант иконографической схемы, получившей в литературе название *Snake-Holder* (Змеедержец), представляет собой помещенную в центр композиции стоящую мужскую (крайне редко – женскую) фигуру, держащую в руках змей либо окруженную ими по сторонам. Вариантов изображения антропоморфного персонажа в сидящей позе в сочетании со змеей очень мало⁴. Важно отметить, что при незначительном количестве подобных изображений, изначально в памятниках конца IV – середины III тыс. до н.э., наблюдается воспроизведение позы сидения с поджатыми коленями и опорой на пятки (рис. 3). Соотнесенность подобной позы с определенной неординарной функцией (статусом) персонажа, необходимость сохранения этого сидящего варианта образа Змеедержца, вероятно, обусловили его

повторение в более поздних трансэламских печатях [Winckelmann 2000: 50, fig. 10].

Можно предположить, что популярность иконографической схемы, связанной со Змеедержцем, приводит к тому, что она, распространяясь по соседним территориям во второй половине – конце III тыс. до н.э., подвергается упрощению, добавляются новые детали как свидетельства усвоения этого сквозного сюжета разными культурами. В качестве примеров следует привести так называемые поздние трансэламские печати из региона Файлака и соседнего Юго-Восточного Ирана, отличительной особенностью которых является изображение Змеедержца в положении сидя только с одной змеей в руке [Francfort 2008: 178, fig. 17; Winckelmann 2000: 49–50, fig. 10]. Такая долгая «жизнь» этого персонажа может объясняться тем, что он связан с записью древних, ставших архетипическими, представлений. Подобные сцены, в которых представлено укрощение змей или другие варианты превосходства над ними, соотносят

Рис. 3. Изображения Змеедержца (*Snake-Holder*) в сидящей позе в памятниках конца IV – второй половины III тыс. до н.э.: 1 – Мужчина из Цинциннати [Winckelman 2000: 56, Fig. 15]; 2 – рельеф на шкатулке из Хафадже [Ibid.: 49, Fig. 8]; 3 – фрагмент вазы с острова Тарут в Персидском заливе [Ibid.: 49, Fig. 9, b]
Fig. 3. Images of sitting Snake-Holder, late IV – second half of III millennium BCE: 1 – Man from Cincinnati [Winckelmann 2000: 56, Fig. 15]; 2 – a casket from Khafajah [Ibid.: 49, Fig. 8]; 3 – a vase from Tarut Island in the Persian Gulf [Ibid.: 49, Fig. 9, b]

⁴ Возможно, в качестве одного из ранних изображений можно привести оттиск штамповой печати из XII слоя Урука [Pittman 2001: fig. 11.6, b].

с различными изображениями божеств либо героев, как отмечает Н. Маринатос, «змея, хотя и поливалентна, может быть врагом. С ним борются боги-мужчины или его "приручают" <...> женщины» [Marinatos 2000: 117]. Специфический региональный вариант репрезентации Змеедержца встречается в искусстве Элама (в печатях, рельефах, статуях) начала II тыс. до н. э. – сцены с изображением божества (чаще всего мужского), сидящего на большой змее или на нескольких змеях, свернувшихся в кольцо, и сжимающего в кулаке голову змеи или двух змей. В качестве примеров можно привести стелу из Курангуна [Miroschedji 1981: pl. VI] и оттиски цилиндрических печатей [Ibid.: pl. I, 6].

Ряд интересных примеров, иллюстрирующих популярность рассматриваемого персонажа, демонстрируют печати Бактрийско-Маргианского комплекса (БМАК). По мнению В. Сарияниди, в них можно видеть множество параллелей, которые «имеют несомненные связи (нередко и "генетические") с Бактрией, с Восточным Ираном, Эламом, Северной Месопотамией и Малой Азией» [Сарияниди 2001: 73]. С. Винкельманн замечает, что в печатях БМАК есть свидетельства тесной связи между протоэламской, трансэламской и бактрийской культурами [Winckelmann 2000: 92]. Находки, связанные с БМАК, указывают на то, что изобразительные схемы, заимствованные из традиций протоэламских и трансэламских печатей, могут восприниматься не только полностью, но и по отдельным деталям, и в достаточно сокращенных вариантах.

Помимо произведений, в которых видны хорошо узнаваемые модули изобразительной схемы, отмеченной в памятниках V–II тыс. до н. э. на различных территориях Передней Азии, на печатях и амулетах БМАК встречаются отдельные образы, которые не имеют прямых прототипов в других художественных культурах, и при их создании не используются отдельные знакомые элементы. К ним можно отнести изображение на бактрийской печати крылатого человека со свернувшейся рядом с ним змеей; этот персонаж стоит на коленях, его руки заканчиваются змеями с раскрытыми пастьми (?) (рис. 4, 1) [Вртанесян 2012: 303, рис. 16; Francfort 2008: 176, fig. 9]. Подобное изображение не является единичным, встречаются и точные повторения этой иконографии: например, изображение стоящего на коленях крылатого человека со змеей, извивающейся рядом с ним, в образе которого присутствие змей умножено их изображением на уровне ушей и под коленом (рис. 4, 2) [Вртанесян 2012: 303, рис. 16], и, вероятно, редукция данной иконографии: изображение мужского торса с головой

быка и руками, заканчивающимися змеями с раскрытыми пастьми [Там же.: 303, рис. 17]. Приведенные примеры свидетельствуют не только о популярности Змеедержца в памятниках БМАК, но и о различных путях заимствования составляющих его основных элементов. Подобный вывод важен для того, чтобы зафиксировать не только возможные разновекторные явления, связанные с бытованием интересующего нас персонажа, но и отметить сложность, а порой и невозможность точного определения дословно изложенных прототипов.

Вероятно, памятники, в которых мы наблюдаем использование сюжета Змеедержца, могут иллюстрировать разнообразные процессы усвоения сквозных / мигрирующих изобразительных схем: от прямого цитирования до культурного трансфера. Культурный трансфер предполагает, прежде всего, либо включение, превращение чужого в важную смысловую компоненту культуры, когда «культурный трансфер возможно представить как своего рода перевод, так как речь идет о переводе с одного культурного кода на другой» [Эспань 2018: 45]; либо перекрестное воздействие (возможно, и по принципу маятника) близких по содержанию программе образов, не только приобретающих в результате контактов новое «звучание», но способных его менять неоднократно в зависимости от культурной ситуации. Как показал анализ функционирования Змеедержца, жесткая иконографическая схема не сформировалась, с самого начала есть разнообразные способы его презентации, а следовательно, вряд ли удастся найти прямую цитату. При этом следует отметить, что помимо главного отличительного, неизменно сохраненного признака рассматриваемого персонажа (наличие чаще одной или двух змей в руках

Рис. 4. Изображения мужских персонажей на печатях и амулетах БМАК со змеиными элементами и разными вариантами поз: 1 – поза на корточках [Вртанесян 2012: 303, рис. 16]; 2 – коленопреклоненная поза [Там же]
Fig. 4. Male characters with snakes and varied postures on seals and amulets from Bactrian-Margiana Complex: 1 – squatting [Vrtanesjan 2012: 303, Fig. 16]; 2 – kneeling [Ibid.]

или около них) по мере его вживания в различные культуры начинают добавлять ряд важных элементов, становящихся значимым дополнением к исходному образцу. К таковым можно отнести сидение / трон из змей и позу. Вхождение в программу образа этих деталей связано с необходимостью акцентировать высокий статус изображенного персонажа, а достаточно часто и его божественную природу. В связи с тем что у каждой культуры свои четко сформулированные и определяемые маркеры статусности и / или божественности, именно изображения сидения / трона и позы будут иметь отличительные признаки.

Поза сидения «по-восточному» (иконографический и этнографический аспекты)

Представляется, что толкование вариантов сидящей позы изучаемых персонажей петроглифов из Минусинской котловины возможно исходя из предположений об их изобразительных (иконографических) или этнографических прототипах.

Первый путь избрали Ф. И. Мец и Л. М. Плетнева при анализе центрального персонажа бронзовой ажурной бляхи из рёлкинского могильника VI–VII вв. Чердашный лог III (рис. 5, 1) [Мец, Плетнева 2014]. Авторы привели многочисленные изобразительные аналогии позы сидящего «по-восточному» со скрещенными ногами индивида, в основном относящиеся к раннему железному веку (не обосновав предварительно правомерность асинхронного сравнения) и происходящие из разных регионов Евразии. Ф. И. Мец и Л. М. Плетнева на основании очевидного сходства поз сопоставляемых персонажей сделали вывод «об иранских корнях центрального персонажа бляхи из Чердашного Лога III», объяснив появление этого образа заимствованием «южных (сако-сарматских) идеологических представлений и иконографических схем» [Там же: 64]. Более того, авторы попытались связать независимое возникновение самой «иконографической схемы – герой, сидящий "по-восточному"» на разрозненных территориях «с отражением каких-то мифов и сказаний, восходящих к эпохе индоевропейского единства» [Там же: 68].

Между тем фигурка сидящего в йогической позе антропоморфного существа (Крит, Католапетра, предположительно ок. 6000 г. до н.э.), которое М. Гимбутас определила как «неолитическую Богиню-змею» [Гимбутас 2006: 258, 259, рис. 7-23.1], относится к доиндоевропейскому прошлому. Голень левой ноги

«богини» лежит поверх правой, ступни не детализированы; руки уперты в бока (рис. 5, 2).

На печатях хараппской цивилизации, датированных III тыс. до н.э., встречается изображение «рогатого» антропоморфного существа, сидящего в йогической позе на сидении, напоминающем стол, или на «земле». Поза персонажа характеризуется разведенными ногами, настолько сильно согнутыми в коленях, что задняя поверхность голени примыкает к нижней поверхности бедра; стопы почти соединены подошвами или скрещены. Руки также разведены в стороны, большие пальцы кистей рук касаются коленей⁵ (рис. 5, 3). Следует отметить, что позы сидящего персонажа в хараппском искусстве присуща строгая симметрия. Среди исследователей нет единодушия как по вопросу о языковой принадлежности населения хараппской цивилизации (предлагались версии о связи с индоевропейскими, дравидийскими и др. языками), так и относительно идентификации самого персонажа, который считается прообразом того или иного божества в зависимости от приписываемого хараппцам языка.

В содержательном перечне собранных в статье Ф. И. Меца и Л. М. Плетневой примеров изображения мужских персонажей, сидящих «по-восточному», недостает известной находки, относимой к категории сакских культовых бронз. Речь идет о курильнице, обнаруженной около с. Иссык (ныне г. Есик) в Казахстане. На блюде иссыкской курильницы размещены бронзовые фигурки сидящего мужчины и стоящей рядом лошади [Яценко 2011: рис. 1, 3]. Сидящий персонаж держит в правой руке сосуд, кисть левой руки лежит на бедре. Правая нога располагается перед левой, заслоняя ее собой. Недетализированная стопа правой ноги находится возле колена левой (рис. 5, 4) [Джумабекова, Базарбаева 2013: 99, рис. 5.1, 1]. Принадлежность данного скульптурного изображения к атрибуту культа / жертвоприношения свидетельствует о ритуальном характере позы персонажа (ср.: [Яценко 2011]).

Вопреки противоположному утверждению Ф. И. Меца и Л. М. Плетневой, изображения сидящих «по-восточному» мужчин выявлены в скифских древностях. На 21 экземпляре золотых штампованных бляшек из Бердянского кургана воспроизведена «сцена братания двух скифов» (имеются и другие объяснения смысла сцены), сидящих «на полу» с соединенными «калачиком» ногами. Е. Е. Фиалко описывает этот способ сидения как позу «с согнутыми в коленях ногами

⁵ Deity Seal from Mohenjo-daro. URL: <https://www.harappa.com/blog/deity-seal> (accessed 8 May 2024).

Рис. 5. Разновидности позы сидения на «полу» с согнутыми ногами в изобразительных памятниках: 1 – бляха, Чердашный лог [Мец, Плетнева 2014: рис. 1, б]; 2 – статуэтка, Крит [Гимбутас 2006: 259, рис. 7-23.1]; 3 – печать, Мохенджо-Даро⁶; 4 – Иссыкская курильница (деталь) [Джумабекова, Базарбаева 2013: 99, рис. 5.1, 1]; 5 – бляха, Бердянский курган [Русяева 2001: рис. 1, 1]; 6 – гривна (деталь), Кобяковский могильник [Гугуев 1992: рис. 4]; 7 – Кудыргинский валун (деталь) [Гаврилова 1965: табл. VI, 2]; 8, 9 – курганный камень (детали), Каменка [Миклашевич 2018: ил. 3, 2]

Fig. 5. Varieties of cross-legged sitters: 1 – a plaque from Cherdashny Log [Mez, Pletneva 2014: fig. 1, b]; 2 – a figurine from Crete [Gimbutas 2006: 259, Fig. 7-23.1]; 3 – a seal from Mohenjo-daro⁶; 4 – an incense burner from Issyk [Jumabekova, Bazarbayeva 2013: 99, Fig. 5.1, 1]; 5 – a plaque from Berdyansk mound (detail) [Rusiaeva 2001: Fig. 1, 1]; 6 – a torque (detail) from Kobayakovo burial ground [Guguev 1992: Fig. 4]; 7 – a boulder (detail) from Kudyrge [Gavrilova 1965: Tab. VI, 2]; 8, 9 – a mound stone (details) from Kamenka [Miklashevich 2018: Illustration 3, 2]

⁶ Ibid.

и сведенными ступнями» и относит бляшки с такой иконографической особенностью к первому из двух выделенных ею вариантов бляшек с аналогичной сценой [Фиалко 2014: 64]. Взаимодействие персонажей сцены опосредовано сосудом: один из скифов, находящийся слева (с внешней зрительной позиции), протягивает напарнику сосуд правой рукой, левой обняв его за плечи (рис. 5, 5) [Русяева 2001: рис. 1, 1]. По мнению Е. Е. Фиалко, весь набор нашивных золотых украшений из Бердянского кургана датируется в пределах VI–IV вв. до н. э. [Фиалко 2014: 66].

Придерживаясь признанного мнения о том, что украшения помимо прочего имели апотропеическое назначение, добавим, что многократное воспроизведение в декоре бляшек сюжета, ассоциирующегося с обрядом побратимства (возможно, с иным ритуалом или символом), запечатленного здесь жеста предложения сосуда с напитком, по-видимому, было значимо для восприятия таких изделий в качестве оберега. Что касается сосуда, следует отметить распространенность этого атрибута, а также жеста вознесения / предложения сосуда с напитком (мотива жертвования напитком?) в культовой практике и искусстве носителей скифской культуры.

Связь образа индивида в позе сидения «по-восточному» с использующимися в ритуалах изделиями прослеживается в археологических материалах сарматской эпохи. Частью ритуального предмета – бронзового зеркала, найденного в сарматском женском погребении I в. н. э. (Соколова могила), является серебряная ручка в виде фигурки сидящего «по-восточному» со скрещенными ногами мужчины, который держит в обеих руках ритон. Правая нога персонажа расположена перед левой [Мец, Плетнева 2014: рис. 4].

В центре композиции гривны, найденной в другом богатом женском погребении сарматской эпохи в могильнике Кобяково, которое датируется второй половиной I – началом II в. (сама гривна – рубежом нашей эры), изображен сидящий «по-восточному» со скрещенными ногами (правая поверх левой) персонаж с сосудом в обеих руках и лежащим на коленях клинковым оружием (рис. 5, 6) [Гугуев 1992: рис. 4]. Как справедливо отметил В. К. Гугуев, гривна является мужским атрибутом [Там же: 125], чему соответствует героическое содержание составляющих кобьяковскую гривну композиций, демонстрирующих сочетание тем сражения и пира. Добавим, что гривна не только была символом воинского статуса и, видимо, доблести ее владельца,

но и имела апотропеическое назначение, магически оберегая воина от обезглавливания врагом.

Кем были созданы перечисленные изделия, найденные в памятниках скифской и сарматской эпох, – вопрос особый. Относительно бляшек из Бердянского кургана Е. Е. Фиалко считает, что невозможно с уверенностью определить, кто их изготовил: греческие или скифские мастера. А вот зеркало из Соколовой могилы и гривна из Кобяковского кургана, по мнению В. К. Гугуева, были предметами восточного (бактрийского) импорта [Там же: 123, 125].

Вместе с тем представляется, что способ сидения изображенных на перечисленных изделиях индивидов был присущ самим «потребителям» предметов, произведенных иноземными мастерами. С позиции этнографии поза сидения «на полу» с разведенными коленями может быть рассмотрена как практиковавшаяся (и практикуемая до сих пор) в повседневном поведении людей (обычно мужчин), в традиционных культурах которых не принято использовать сиденья. Такая поза, обозначаемая в литературе как сидение «по-турецки» или «по-восточному», характеризуется скрещенными ногами. Пребывание индивида в этой позе является обыденным способом сидения, хотя и требующим телесных навыков, закрепленных традицией.

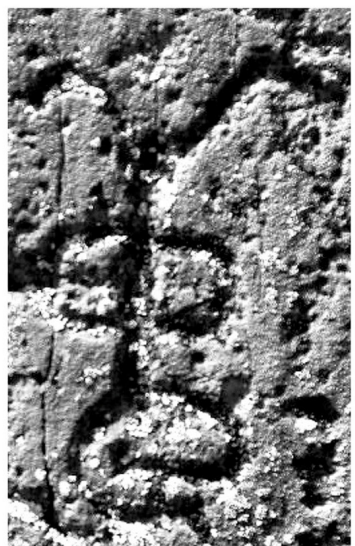
Этнографические данные свидетельствуют о том, что сидение со скрещенными ногами было не единственным способом сидения «на полу». Например, судя по фотографиям и рисункам XIX – начала XX в., на которых были запечатлены моменты традиционного быта казахов и киргизов, мужчины могли сидеть «на полу» не только в позе со скрещенными ногами (при этом впереди находилась правая или левая нога), но и на подогнутых под себя ногах (т. е. на коленях), на подогнутых и смещенных в одну сторону ногах («боком»). На фотографии казахского музыканта с кобызом отмечен вариант позы с неперекрещивающимися голеньями согнутых ног (рис. 6, 2) [Прищепова 2011: 67]. В данном случае расположение ног музыканта обусловлено необходимостью обеспечить упор музыкальному инструменту, с другой стороны, перед нами свидетельство возможности сидения в такой позе. Не единственный способ сидения зафиксирован и у женщин, которые обыкновенно сидели на одной подогнутой под себя ноге, поставив перед собой согнутую в колене другую. Представители обоих полов могли в некоторых случаях применять одни и те же способы сидения.

1

2

3

4

5

6

Рис. 6. Некоторые варианты позы сидения на «полу» с согнутыми ногами, по данным археологических и этнографических визуальных источников: 1 – котел из Гундеструпа (деталь) [Михайлова 2015: рис. 4]; 2 – казахский музыкант [Прищепова 2011: 67]; 3 – курганный камень, Оглахты [Есин 2017: 25]; 4 – Абакано-Перевоз [Русакова 2022: рис. 23, 3]; 5 – Каменка [Миклашевич 2018: рис. 6]; 6 – жена киргизского манапа, рисунок М. П. Кошарова [Валиханов 1984: 336]

Fig. 6. Varieties of cross-legged sitting from archaeological and ethnographic sources: 1 – Snake-Holder from Gundestrup cauldron (detail) [Mikhailova 2015: Fig. 4]; 2 – a Kazakh musician [Prishchepova 2011: 67]; 3 – a mound stone, Oglakhty [Esin 2017: 25]; 4 – Abakano-Perevoz rock art [Rusakova 2022: Fig. 23, 3]; 5 – Kamenka [Miklashevich 2018: Fig. 6]; 6 – a Kyrgyz woman, drawing by M. P. Kosharov [Valikhanov 1984: 336]

Рассмотренные выше изображения скифской и сарматской эпох также демонстрируют разнообразие положений ног при сидении «по-восточному». Позиция неперекрещивающихся ног персонажа иссыкской курильницы может быть сопоставлена с аналогичным расположением ног рогатого божества с гундеструпского котла (рис. 6, 1) [Михайлова 2015: рис. 4]. Ввиду признания исследователями культурных контактов скифов, сарматов и кельтов, с одной стороны, и нашего предположения о том, что и скифы, и сарматы практиковали способ сидения «по-восточному» (на «полу» с согнутыми ногами) – с другой, вряд ли целесообразна ассоциация позы персонажа декора гундеструпского котла с позой Будды [Там же: 179].

Среди охарактеризованных выше персонажей петроглифов в позе с неперекрещивающимися голени ног показаны сидящие фигуры, выбитые на курганном камне (Оглахты) и на писанице Абакано-Перевоз III (рис. 6, 3, 4).

Другая разновидность позы – со сведенными «калачиком» ногами, представленная, кроме бляшек из Бердянского кургана, на кудыргинском валуне (фигура Умай) (рис. 5, 5, 7) [Гаврилова 1965: табл. VI, 2], обнаруживается у некоторых сидящих фигур с курганных камней (Каменка) (рис. 5, 8, 9).

Стилизация ног некоторых фигур на петроглифах (Тепсей) замкнутой линией, образующей подпрямоугольную фигуру (рис. 6, 5), могла также изображать сидящего «по-восточному» человека (мужчину или женщину), ноги которого скрыты в полах одежды. Например, сидящей таким способом показана жена киргизского манапа на акварели П. М. Кошарова, созданной во второй половине XIX в. (рис. 6, 6) [Валиханов 1984: 336].

Перечисленные соответствия, на наш взгляд, свидетельствуют о широком бытовании в культурах разных народов различных вариантов сидения на «полу» с согнутыми ногами. Существование идентичных вариантов в разные эпохи на разных территориях не обязательно означает результат заимствования: в сходных условиях существования человека могли независимо формироваться похожие «техники тела». Кроме того, имея в виду скульптурные изображения сидящей Богини-змеи [Гимбутас 2006: 259, рис. 7-23.1, 7-23.2] и рогатого божества на хараппских печатях, можно допустить конвергентное и раннее развитие каких-то духовно-физических практик наподобие йогических.

Рассмотренные предметы торевтики, на которых изображены сидящие «по-восточному» персонажи

(в разных вариантах этой позы), так или иначе имели ритуальное (или апотропеическое) назначение, тем самым и сама поза соотносилась с ритуальным действием. Неслучайно подобная поза широко представлена в иконографии индуизма и буддизма.

Обращает на себя внимание то, что изображения мифических существ – Богини-змеи, рогатых персонажей с хараппских печатей и гундеструпского котла – характеризуются симметричным положением рук. Кроме того, в руках рогатого божества с гундеструпского котла имеются символические атрибуты – торквес и змея (атрибут змееборца и змеедержца). Возможно, симметричные позиции рук (в том числе «жест Оранты») сидящих «по-восточному» персонажей, запечатленных на петроглифах, тоже свидетельствуют о ритуально-мифологическом контексте этих образов, тем более что один из персонажей (Тепсей) изображен со змеей. Г. С. Вртанесян соотносит образ Змеедержца с календарным символом и отмечает, что в Южной Сибири он был распространен в окуневской культуре. В последующем этот образ здесь исчезает и более чем тысячелетие спустя фиксируется уже в гробнице эпохи Хань [Вртанесян 2019: 120–121]. Судя по персонажу со змеей, выбитому на курганном камне под горой Тепсей, в это же время образ Змеедержца снова появляется в Южной Сибири.

Заключение

В тесинском пласте петроглифов Минусинской котловины (памятники Оглахты, Тепсей, Копенская Нижняя, Тогр-Таг, Каменка, местонахождения Боярского хребта и др.) выявлены изображения сидящих «по-восточному» персонажей. Положения согнутых ног сидящих фигур варьируются: голени могут располагаться почти параллельно; дугообразно изогнутые ноги могут быть соединены ступнями и др. Руки обычно представлены в той или иной симметричной позиции – поставлены фертообразно (сами руки могут иметь как дуговидные, так и прямоугольные очертания); раскинуты и подняты вверх; опущены и при этом плавно изогнуты; плечевые части согнутых в локтях рук расположены перпендикулярно телу, предплечья с кистями направлены вниз; плечевые части согнутых в локтях рук расположены параллельно телу, а предплечья – почти перпендикулярно. Этот «язык жестов» пока представляет собой загадку. Возможно, адорационным является жест поднятых вверх рук («жест Оранты»). Как правило, в руках таких персонажей не бывает атрибутов, за исключением фигуры, изображенной на курганном камне

из могильника, расположенного под горой Тепсей. В правой руке данного персонажа показана змея – зооморфный атрибут змееборца и змеедержца. Рассматриваемый персонаж может быть интерпретирован как образец широко распространенного образа Змеедержца, не обладающего, однако, универсальной иконографией. С персонажами петроглифов без атрибутов в руках, ввиду их сидящей позы и симметричного положения рук, тоже могли ассоциироваться какие-то мифоритуальные представления, подобно тому как с ритуальными предметами связаны изображения сидящих «по-восточному» мужских индивидов, часто с сосудом в руке / руках, происходящие из памятников кочевников скифской и сарматской эпох, так же как образ рогатого божества в декоре котла из Гундеструпа. Наряду с этим поза персонажей наскальных изображений из Минусинской котловины может быть рассмотрена не только в иконографическом, но и в этнографическом аспекте – как способ сидения, практиковавшийся создателями самих петроглифов. Образ сидящего «по-восточному» индивида в наскальном искусстве Минусинской котловины требует дальнейшего изучения, которое будет особенно плодотворным при условии выявления новых сюжетов (сцен, композиций), где фигурирует такой персонаж.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: О. С. Советова – концептуализация, анализ, обобщение, атрибуция и интерпретация петроглифического материала. Л. Н. Ермоленко – концептуализация, сравнительный анализ образов наскального и прикладного искусства с привлечением визуальных этнографических источников. С. А. Зинченко – концептуализация, анализ образа Змеедержца в искусстве Древнего Востока, предпринятый в связи с вводимым в научный оборот материалом.

Contribution: O. S. Sovetova developed the research idea and analyzed, attributed, and interpreted the petroglyphic material. L. N. Ermolenko developed the research idea and performed a comparative analysis of images of rock and applied art and ethnographic sources. S. A. Zintchenko developed the research idea and analyzed the Snake-Holder images in the Ancient Oriental art.

Финансирование: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00974 «Неизученные страницы истории и культуры населения Южной Сибири II тыс. н. э. по материалам петроглифов», <https://rscf.ru/project/23-28-00974/>

Funding: The research was supported by the Russian Science Foundation, Project No. 23-28-00974: Unexplored petroglyphic history and culture of Southern Siberia in the II millennium AD, <https://rscf.ru/en/project/23-28-00974/>

Литература / References

- Валиханов Ч. Ч. Собрание сочинений в пяти томах. Алма-Ата: Гл. ред. Каз. сов. энцикл., 1984. Т. 1. 431 с. [Valikhanov Ch. Ch. *Collected works in five volumes*. Alma-Ata: Gl. red. Kaz. sov. entsikl., 1984, vol. 1, 431. (In Russ.)]
- Вртанесян Г. С. Змеедержец: миграции календарного символа. *Народы и религии Евразии*. 2019. № 1. С. 113–128. [Vrtanesjan G. S. Snakeholder. Calendar symbol migration. *Nations and Religions of Eurasia*, 2019, (1): 113–128. (In Russ.)] [https://doi.org/10.14258/nreur\(2019\)1-11](https://doi.org/10.14258/nreur(2019)1-11)
- Вртанесян Г. С. Составные статуэтки эпохи бронзы. *Труды Маргианской археологической экспедиции. Т. 4. Исследования Гонур Дене в 2008–2011 гг.*, гл. ред. В. И. Сарияниди. М.: Старый сад, 2012. С. 291–313. [Vrtanesjan G. S. Composite statues of the Bronze Age. *Works of the Margiana Archaeological Expedition. Vol. 4. Research of Gonur Depe in 2008–2011*, ed. Sarianidi V. I. Moscow: Staryi sad, 2012, 291–313. (In Russ.)]
- Гаврилова А. А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.-Л.: Наука, 1965. 145 с. [Gavrilova A. A. *Kudyrga burial ground as a source on the history of Altai tribes*. Moscow-Leningrad: Nauka, 1965, 145. (In Russ.)]
- Гимбутас М. Цивилизация Великой Богини: Мир Древней Европы. М.: РОССПЭН, 2006, 572 с. [Gimbutas M. *The Civilization of the Goddess: The World of Old Europe*. Moscow: ROSSPEN, 2006, 572. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qtzdgp>

- Грязнов М. П. Древнейшие памятники героического эпоса народов Южной Сибири. *Археологический сборник. Государственный Эрмитаж. Вып. 3. Эпоха бронзы и раннего железа Сибири и Средней Азии*, отв. ред. М. И. Артамонов. Л.: Гос. Эрмитаж, 1961. С. 7–31. [Gryaznov M. P. The oldest artifacts of the heroic epic of the peoples of Southern Siberia. *Archaeological collection. The State Hermitage Museum. Iss. 3. Bronze and Early Iron Ages of Siberia and Central Asia*, ed. Artamonov M. I. Leningrad: The State Hermitage Museum, 1961, 7–31. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/wkentv>
- Гугуев В. К. Кобыковский курган (К вопросу о восточных влияниях на культуру сарматов I в. н.э. – начала II в. н.э.). *Вестник древней истории*. 1992. № 4. С. 116–129. [Guguev V. K. Kobyakovo barrow: Oriental Influence on Sarmatian Culture in 1st – early 2nd century AD). *Vestnik Drevnei Istorii*, 1992, (4): 116–129. (In Russ.)]
- Джумабекова Г. С., Базарбаева Г. А. Художественные бронзы Жетысу. Алматы: ИА им. А. Х. Маргулана, 2013. 120 с. [Jumabekova G. S., Bazarbayeva G. A. *Bronze artifacts of Jetysu*. Almaty: IA Margulan, 2013, 120. (In Russ.)]
- Есин Ю. Н. Наскальные изображения Оглахты: альбом. Абакан: Журналист, 2017. 160 с. [Esin Yu. N. *Oglakhty rock art: Album*. Abakan: Zhurnalist, 2017, 160. (In Russ.)]
- Заика А. Л., Вдовин А. С., Конохов В. А. Результаты исследований писаниц на юге Красноярского края в 2015 году. *Археологическое наследие Сибири и Центральной Азии (проблемы интерпретации и сохранения)*: Междунар. конф. (Кемерово, 19–21 октября 2016 г.) Кемерово: Кузбассвуиздат, 2016. С. 104–108. [Zaika A. L., Vdovin A. S., Konohov V. A. Investigation of rock art sites in the South of Krasnoyarsk territory in 2015. *Archaeological Heritage of Siberia and Central Asia (problems of interpretation and preservation)*: Proc. Intern. Conf., Kemerovo, 19–21 Oct 2016. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2016, 104–108. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/woehvh>
- Ким Чжонг Бэ, Чжан Со Хо, Боковенко Н. А., Килуновская М. Е. Наскальные изображения Центральной Азии. Сеул: Фонд истории Северо-Восточной Азии; ИИМК РАН, 2007. 355 с. [Kim Jung-bae, Jang Seo Ho, Bokovenko N. A., Kilunovskaya M. E. *Rock art of Central Asia*. Seoul: Northeast Asian History Foundation, IHMC RAS, 2007, 355. (In Russ.)]
- Мец Ф. И., Плетнева Л. М. О бронзовой бляхе из могильника Чердашный Лог III. *Томский журнал лингвистических и антропологических исследований*. 2014. № 2. С. 59–71. [Mez F. I., Pletneva L. M. On the bronze buckle from the burial mound Cherdashny Log III. *Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*, 2014, (2): 59–71. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/sexbwv>
- Миклашевич Е. А. О памятниках наскального искусства в урочище Каменка на Среднем Енисее. *Ученые записки музея-заповедника «Томская писаница»*. 2018. № 7. С. 5–22. [Miklashevich E. A. Rock art sites of the Kamenka ravine on the middle Yenisei. *Uchenye zapiski muzeia-zapovednika "Tomskaia Pisanitsa"*, 2018, (7): 5–22. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xtfzkx>
- Михайлова Т. А. Котел из Гундеструпа как пример «визуального фольклора». *Stephanos*. 2015. № 6. С. 170–187. [Mikhailova T. A. The Gundestrup cauldron as an example of "visual folklore". *Stephanos*, 2015, (6): 170–187. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vkbdvx>
- Прищепова В. А. Иллюстративные коллекции по народам Центральной Азии второй половины XIX – начала XX века в собраниях Кунсткамеры. СПб.: Наука, 2011. 452 с. [Prishchepova V. A. *Illustrative collections on the peoples of Central Asia in the second half of the XIX – early XX century in the Kunstkamera archives*. St. Petersburg: Nauka, 2011, 452. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qpwstt>
- Русакова И. Д. К вопросу о датировке петроглифов раннего железного века (на примере петроглифов Боярского хребта в Хакасии). *Археологическое наследие Сибири и Центральной Азии (проблемы интерпретации и сохранения)*: Междунар. конф. (Кемерово, 19–21 октября 2016 г.) Кемерово: Кузбассвуиздат, 2016. С. 173–181. [Rusakova I. D. To the dating of the Iron Age petroglyphs (on the example of the Boyary ridge petroglyphs). *Archaeological Heritage of Siberia and Central Asia (problems of interpretation and preservation)*: Proc. Intern. Conf., Kemerovo, 19–21 Oct 2016. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2016, 173–181. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zbhrxl>
- Русакова И. Д. Петроглифы восточной части Боярского хребта в Хакасии (местонахождения Абакано-Перевоз II, IIА, III, IV). *Ученые записки музея-заповедника «Томская Писаница»*. 2022. № 16. С. 43–76. [Rusakova I. D. Petroglyphs in the eastern part of the Boyary ridge in Khakassia (locations of Abakano-Perevoz II, II A, III, IV). *Uchenye zapiski muzeia-zapovednika "Tomskaia Pisanitsa"*, 2022, (16): 43–76. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vxkubt>

- Русяева М. В. Сцены братания скифов на произведениях торевтики. *Боспор Киммерийский и Понт в период античности и средневековья: II Боспорские чтения*. (Керчь, 20–23 мая 2001 г.) Керчь: ЦАИ Деметра, 2001. С. 128–133. [Rusiaieva M. V. Scenes of Scythian fraternization in Toreutic art. *Cimmerian Bosporus and Pont in Antiquity and Middle Ages: Proc. II Bosphor Readings*, Kerch, 20–23 May 2001. Kerch: CAC Demetra, 2001, 128–133. (In Russ.)]
- Савинов Д. Г. Тесинские лабиринты (по материалам могильника Есино III). *Древнее искусство Азии. Петроглифы*, отв. ред. В. В. Бобров. Кемерово: Кузбассвуиздат, 1995. С. 6–10. [Savinov D. G. Labyrinths of Tesin: Burial ground Esino III. *Ancient Art of Asia. Petroglyphs*, ed. Bobrov V. V. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 1995, 6–10. (In Russ.)]
- Сарианиди В. Некрополь Гонура и иранское язычество. М.: Мир-медиа, 2001. 246 с. [Sarianidi V. I. *Necropolis of Gonur and Iranian Paganism*. Moscow: Mir-media, 2001, 246. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/raognj>
- Фиалко Е. Е. Золотой декор костюмов из Бердянского кургана. *Боспорские исследования*. 2014. № 30. С. 54–76. [Fialko E. E. Gold decorations of the costumes from Berdyansk kurgan. *Bosporskie issledovaniia*, 2014, (30): 54–76. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/tkkqpj>
- Эспань М. История цивилизаций как культурный трансфер. М.: НЛО, 2018. 816 с. [Espagne M. D. *History of civilizations as a cultural transfer*. Moscow: NLO, 2018, 816. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/yanlsp>
- Яценко С. А. Сидящий мужской персонаж с сосудом в руке на сакской бронзовой «курильнице» из Семиречья. *История и археология Семиречья*, шеф-ред. Т. А. Егорова. Алматы: Родничок, 2011. Вып. 4. С. 48–66. [Yatsenko S. A. Sitting man with a vessel in one hand on a Saka bronze lamp from Jetysu (Semirechye). *History and archeology of Semirechye*, ed. Egorova T. A. Almaty: Rodnichok, 2011, iss. 4, 48–66. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/porqlh>
- Barnett R.-D. Homme masquéoudieu-ibex? *Syria*, 1966, 43(3-4): 259–276.
- Francfort H.-P. A Note on the Hasanlu Bowl as Structural Network: Mitanni-Arya and Hurrian? *Bulletin of the Asia Institute*, 2008, 22: 171–188.
- Marinatos N. *The Goddesses and the Warrior. The naked goddess and Mistress of Animals in early Greek religion*. London-NY: Routledge, 2000, 169.
- Miroschedji P. de. Le dieu élamite au serpent et aux eaux jaillissantes. *Iranica Antiqua*, 1981, XVI: 1–25, pl. I–XI.
- Pittman H. Mesopotamian intraregional relations reflected through glyptic evidence in the Late Chalcolithic 1–5 periods. *Uruk Mesopotamia and Its Neighbors: Cross Cultural Interactions in the Era of State Formation*, ed. Rothman M. S. Santa Fe: School of American Research Press, 2001, 403–444.
- Winckelmann S. Intercultural Relations between Iran, the Murghabo-Bactrian Archaeological Complex (BMAC), Northwest India and Failaka in the Field of Seals. *East and West*, 2000, 50(1/4): 43–95.